

Линь в данный момент не мог покинуть центральное отделение, а значит, ему предстояло действовать против собственного коллеги прямо под многослойной защитой Инквизиции.

Если вдуматься, это было даже довольно захватывающе.

Однако, судя по известным Линю местным защитным ритуалам — таких как ритуал отметки жизни Матери Первозданной Крови (его эффект заключался в отображении на карте центрального отделения всех живых существ, даже листьев деревьев — явно нацеленный на служителей Девы Серебряной Луны, способных управлять растениями), ритуал блокировки духовного мира Мастера Адгезии (не позволяющий духам войти в центральное отделение), ритуал всестороннего озарения Дракона Света (разрушающий невидимость и скрытность в зоне освещения) и прочее, — все оборонительные меры он вполне мог обойти.

Его сила, по нынешнему опыту, воздействовала именно на разум. Единственное, что хоть немного перекликалось с его способностями, — это безумие, которым владела Дева Серебряной Луны.

Но если учесть, что другой областью власти Девы Серебряной Луны являлось желание — а точнее, физические искушения: еда, удовольствие, похоть, — то нельзя было с уверенностью сказать, оставалось ли её безумие чисто ментальным или имело физиологическую природу.

В любом случае, эти защиты, направленные против известных тёмных богов, действительно не представляли для Линя проблемы.

Оставалось решить, как именно устроить его маленький «эксперимент».

Линь слегка улыбнулся Аллету.

Он не сказал ни слова, но одного этого жеста хватило, чтобы молодой лисолоуд буквально взвился. Аллет направился к нему, но Линь отступил на шаг, скрестив руки на груди, и с видом крайней настороженности сказал:

— Ты сейчас затеваешь конфликт со мной, чтобы потом заткнуть мне рот?

Аллет мгновенно опешил.

Он абсолютно не понимал, о чём говорит Линь, и с глупым выражением лица переспросил:

— Что? Какое ещё «заткнуть рот»?

— По требованию инспектора внутреннего надзора, я сегодня должен сдать отчёт о вчерашнем нападении в метро, — невозмутимо продолжил Линь. — Может статься, я тогда заметил некую

ключевую деталь, но не придал ей значения. А ты, будучи зачинщиком, вдруг понял, что упустил нечто важное. Вот и пытаешься сегодня спровоцировать меня на мелкую служебную ссору, чтобы в ходе «несчастливого случая» устранить свидетеля...

«А?..» — рот Аллета раскрылся ещё шире.

В голове у него крутились только «да это невозможно!» и «ты что, издеваешься?!», но вклиниться в бесконечную тираду Линя он не успел. Когда тот закончил, лисолюд лишь тяжело дышал от злости, желая возразить, но у него в голове всё перемешалось, и он не знал, с чего начать.

Поэтому Аллет не заметил, как Линь, стоя напротив, чуть повернул корпус и скосил взгляд на зеркало в ванной комнате за его спиной.

Юный бог, уже освоивший свои силы, мысленно произнёс имя Кристабель Померан, и его сознание вновь покинуло тело, переместившись в то тёмное пространство за зеркальной гладью.

Игнорируя размытые, неразличимые картины в появившихся вокруг зеркалах, он не стал смотреть в сторону Кристабель, а обратил взор через зеркало на самого себя.

И на стоящего рядом в отражении Аллета.

В его глазах зеркало распахнулось, словно книга, и он увидел три образа: Аллет, лицо которого пылало от ярости; Аллет, указывающий на него пальцем и сыплющий ругательствами; и Аллет, вытирающий слёзы с обиженным видом.

«М-м?»

Первые два никак не удивили, но вот последний... Что-то в нём явно было не так.

Не успел Линь обдумать этот странный образ, как в реальности Аллет наконец пришёл в себя, дрожащим пальцем указал на Линя и выдохнул:

— Это же просто чушь?

Линь в зеркале перевёл взгляд на второй образ Аллета, который выкрикивал однообразные ругательства на подобие «Ублюдок! Ты — большой ублюдок!» — и невольно вздохнул.

Вернувшись в тело, он глянул на Аллета уже с оттенком жалости.

Хорошо, что повязка скрывала его глаза, иначе сегодня он, пожалуй, отправил бы в медицинское подразделение коллегу, доведённого до злого обморока.

— Юный господин, — наставительно произнёс Линь, — если кто-то тебе скажет подобное, то к «это же просто чушь» не надо добавлять вопросительную интонацию. Это просто чушь.

— Ты!..

— Но, если ты и дальше будешь нести всякий бред, я действительно пойду к инспектору внутреннего надзора и наговорю чуши.

— ...У-угх.

Линь заметил, что в выражении лица Аллета действительно мелькнула какая-то обида.

Он невольно вспомнил последние девять недель мелких офисных пакостей, которые тот ему устраивал. Линю, конечно, было не до того, чтобы воспринимать их всерьёз — слишком много времени уходило на зарабатывание денег. Но вот на что именно обиделся лисолоуд, он так и не понял.

Гадая над этим, Линь вместе с Аллетом вернулся в кабинет ритуального подразделения.

В присутствии Аллета остальные коллеги всегда говорили с Линем вполголоса. Именно поэтому, когда сегодня они увидели, как оба вошли в офис, причём Аллет с опущенным хвостом, плотно сжатым ртом и без обычных колкостей, а Линь — без привычных ехидных реплик, да оба молча, — сотрудники лишь переглянулись с немым изумлением.

Выглядело так, будто Линь только что «проучил» мажора. Они обменялись многозначительными взглядами, и кто-то с соседнего стола сказал:

— Линь, тебя начальник зовёт, прямо сейчас.

— Спасибо, — ответил он и свернул к кабинету начальника, расположенному в глубине большого зала.

Через десять минут, получив новое академическое задание и обещанную премию, он вернулся к своему столу и включил компьютер.

Да, именно компьютер.

Хотя в подземных городах это устройство называлось «рабочий сетевой терминал» и

использовалось лишь в некоторых госучреждениях и на крупных заводах, Линь не видел разницы.

По слухам, изобрели его механики из церкви Золотого Молота. И если бы Линь не читал в исторических книгах о том, как эти терминалы эволюционировали поколение за поколением, а сразу увидел привычный ему внешний вид, он бы решил, что изобретатель тоже являлся попаданцем.

Монитор был старомодным квадратным, причём моноблочным — дисплей и системный блок в одном корпусе. Клавиши на клавиатуре имели совсем иное назначение и раскладку по сравнению с теми, к которым Линь привык до своего пятнадцатилетия, а стиль их исполнения напоминал металлические печатные машинки 20-ого века, хотя форма устройства ввода данных всё же напоминала привычную клавиатуру.

Именно поэтому когда-то Линю пришлось приложить немало усилий, чтобы сломать мышечную память, связанную с латинской раскладкой на двадцать шесть букв, и выучить орфографию подземного универсального языка. Он даже нарисовал ручкой на бумаге схему клавиатуры и перед сном «печатал» на ней, пока пальцы не привыкли.

Теперь он уже не допускал такого количества опечаток, как в начале, и опыт, накопленный в прошлом мире при работе с электроникой, наконец начал приносить плоды. Пусть местная операционная система и отличалась от привычных ему Windows и MacOS, он всё равно научился помогать своим коллегам решать мелкие проблемы.

Всю оставшуюся половину утра Линь провёл за громкой стрекотней клавиш.

Сперва он закончил отчёт о вчерашнем происшествии и отправил его в подразделение внутреннего надзора по локальной сети центрального отделения, затем принялся набрасывать черновик своей научной работы.

Начало пошло с трудом, но дальше мысли потекли легко. Когда поток вдохновения иссяк, он поднял голову и увидел, что время перевалило за половину двенадцатого.

«Чёрт, сегодня я опоздаю — и останусь без мяса».

Линь давно отучил себя от привередливости к еде, но пятнадцать лет, проведённых в современном обществе, сделали его куда более разборчивым во вкусных качествах, чем большинство людей в этом мире.

В подземных городах самым дешёвым источником белка были куриные яйца, а за ними — мясо насекомых. На фабриках разводили белых толстых червей, которых после варки перемалывали машинами и прессовали в котлеты.

Жареные или обжаренные на сковороде, они источали приятный аромат, и Пятнуля с остальными их очень любили, но Линю мягкая, податливая текстура казалась... чересчур своеобразной.

Из мясных продуктов он больше всего ценил курятину, рыбу, свинину и говядину. Но начиная с курицы цены уже росли стремительно.

Курятину и рыбу уважаемые люди вроде инквизиторов могли позволить себе три-четыре раза в неделю, тогда как свинину — разве что семь-восемь раз в год, да и то обычно перед повышением или награждением. А вот говядина и баранина даже для инквизиторов оставались почти легендой: попробовать их хотя бы раз в жизни считалось большой удачей.

Причина крылась в том, что на первых двадцати уровнях подземных городов почти не было растений.

Если кто-то замечал, что где-то пробилась моховая поросль, он имел право пожаловаться в Инквизицию, и туда сразу направляли отряд для уничтожения — ведь растения считались орудием Девы Серебряной Луны, её глазами и ушами.

Пышная зелень в каком-либо месте означала надвигающуюся беду. К этой культурной особенности Линь привыкал долго.

Главным источником углеводов в подземельях являлся крахмал, синтезируемый искусственно из углекислого газа. Им кормили кур и свиней, но выращивание на нём коров и овец было крайне затруднительным.

Линь слышал, что ниже двадцатого уровня, в месте, надёжно запечатанном ритуалами и алхимическими механизмами, существовал искусственный ботанический сад. Урожай оттуда позволял выращивать немногочисленное поголовье крупного рогатого скота, мясо которого доставалось лишь высшей городской элите. Для бедного Линя оно являлось несбыточной роскошью.

Курятина — уже отличный вариант! К тому же в столовой шпиневильской Инквизиции жареное куриное филе, куриные наггетсы и обжаренные полоски куриного мяса выдавали бесплатно.

Подумав, что упустил такую возможность, Линь невольно погрустнел.

Как и ожидалось, когда он добрался до ближайшей столовой, на раздаче остались только углеводные блюда вроде крахмальных холодцов, лепёшек и пирожков, а также всевозможные грибы.

Яиц и котлет из насекомых уже не было, зато в наличии имелись «десерты» в виде таблеток

витаминов и кальция, а также «напитки» с комплексом микроэлементов.

«Ещё один день, когда аппетита нет, но есть всё-таки надо».

По крайней мере, «десерты» и «напитки» тоже выдавались бесплатно. У простых людей витамины и добавки ценились почти так же, как белок, и им приходилось их покупать за немалые деньги.

Взяв на поднос немного еды, Линь уселся за длинный стол.

Когда он поднял нож и вилку, один из посетителей столовой остановился возле него.

Всё в том же белом костюме, Фельдграу Дуофюр кивнул ему, на его лице непривычно отсутствовала улыбка.

Он сел напротив, поставив поднос, столь же скудный по содержанию, как и у Линя. Тот цокнул языком:

— Верховный инквизитор, неужели столовая даже вам не оставляет отдельную порцию?

«Всё-таки "особое блюдо для начальства" — это же традиция!»

— Нужно заказывать заранее, — без особого выражения ответил Фельдграу. Для обычного инквизитора возможность бронировать блюда уже считалась привилегией, но при его должности это, конечно, было пустяком. — Я не всегда ем в столовой. И если я закажу порцию, а потом не приду, то это будет пустой тратой.

— Почему же сегодня не заказали? — удивился Линь.

— С утра до сих пор в совещаниях: сверка времени и маршрутов, проверки с помощью заклятий, один ритуал за другим... Ловветро тоже был этим занят и не успел оформить заказ, — Фельдграу устало потёр переносицу, даже его перистые уши выглядели вялыми. — Я, можно сказать, ушёл раньше времени. Все понимают, что, хоть я и в числе осведомлённых участников операции, я точно не могу быть...

Он говорил завуалированно, но Линь сразу понял, что речь идёт о продолжающихся поисках предателя.

Похоже, расследование не двигалось с места, и Линь, временно запертый в центральном отделении Инквизиции, мог о возвращении домой пока забыть.

Ритуалист вспомнил свой план помочь в выявлении предателя и подумал спросить о списке подозреваемых, но не был уверен, имеет ли он на это право.

Линь опустил взгляд на ложку, в выгнутой поверхности которой отражалось его искажённое лицо.

«Если я спрошу, используя свою силу через зеркало... Но применять её на апостоле, благословлённым богом, — не слишком ли это смело и опасно?»

Подумав немного, он решил пока забыть о своём статусе тёмного божества и вести себя с начальником по-старому.

Окинув взглядом почти пустой зал, Линь понизил голос и прямо спросил:

— Кроме меня и вас, кто ещё должен проходить проверку?

Фельдграу с удивлением приподнял брови. До этого Линь всегда держался в стороне от данной темы, и это был первый раз, когда он проявил интерес.

Прежде чем Линь успел смущённо добавить «если нельзя — не говорите», верховный инквизитор Шпиневиля тихо перечислил четыре имени.

<http://bllate.org/book/12612/1119959>